

Гронский, А.Д. Отношение органов охраны правопорядка к участникам восстания 1863-1864 гг. (на примере Могилевской губернии) / А.Д. Гронский // 95 лет милиции Беларуси : материалы респ. научн.-практ. конф., Минск, 1 марта 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – С. 124-127.

Подавление любого выступления влечет за собой наказание его участников при условии, что выступившие не одерживают победы. Польское восстание 1863-1864 гг. не является исключением. Арестованных или взятых в плен повстанцев и подозреваемых в сочувствии восстанию власти привлекали к различным видам ответственности. Кстати, эти репрессии были не такими кровавыми, как о них принято говорить. Например, за хранение оружия и запрещенной литературы накладывался штраф в размере 100 рублей серебром, а самого провинившегося отпускали «на благонадежное попечительство» под надзор полиции [4, л. 16-17]. Если повстанца арестовывали с оружием, наказание было более суровым - ссылка на каторжные работы на заводы сроком до четырех лет [5, л. 11]. Некоторые отголоски восстания вообще не влекли за собой никакого наказания. Так, крестьяне Могилевской губернии нашли в лесу, принадлежащему несовершеннолетнему помещику, тайник с оружием. Проведенное расследование показало, что оружие принадлежало умершему шляхтичу. Дело тут же прекратили, даже не выяснив, почему покойный держал оружие в тайнике [2, л. 83, 84, 114]. Если информация о спрятанном оружии поступала непосредственно властям, жандармы с привлечением армии и полиции и в присутствии понятых проводили обыски [2, л. 93, 100, 102].

Арестованные участники восстания содержались в тюремных замках. Условия их содержания были очень либеральными. Например, двери камер были всегда открыты и арестанты могли свободно общаться между собой. Дошло до того, что они начали проявлять стремление к противодействию и непокорности. Узнав об этом, виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев потребовал соблюдать условия содержания заключенных, после чего в Могилевском тюремном замке были закрыты двери камер. В ответ заключенные начали угрожать смотрителю, а потом взломали двери и вышли в коридор. Узнав об этом, офицер батальона внутренней стражи построил перед окнами тюрьмы около 20 солдат и приказал им заряжать ружья, а сам с небольшой группой солдат вошел внутрь. Только после этого арестанты разошлись по камерам. При расследовании обстоятельств бунта арестанты обвинили тюремное начальство в грубом обращении с ними и пожаловались на плохое качество пищи. Оказалось, что под грубым обращением заключенные понимали восстановление должного надзора, а жалобы на пищу появились только во время расследования и раньше никогда не возникали. Тем не менее качество пищи было проверено, а образцы хлеба даже были посланы начальству. Оказалось, что пища проходит серьезную проверку и при

малейшем подозрении на недоброкачество сразу же возвращается поставщику. После осмотра тюремного здания выяснилось, что оно не приспособлено для содержания заключенных, так как они могут легко бежать из него. Такое же положение было и в других тюрьмах [2, л. 120; 3, л. 24-26].

Несмотря на ужесточение режима содержания, арестованным разрешали свидания с родственниками. Если же они жили недалеко, то допускались встречи за пределами тюрьмы. Офицер внутренней стражи приводил арестованного к родственникам и наблюдал за свиданием. Время свиданий не было ограничено и сокращалось только при условии антиправительственных высказываний. Иногда, если дома родственников находились по соседству, один офицер приводил сразу двух заключенных и во время свиданий переходил из одного дома в другой. Естественно, при таких условиях контроля нельзя было с уверенностью утверждать, что ничего предосудительного в разговорах не было [2, л. 48].

Содержащиеся в тюремных замках участники восстания по окончании расследования направлялись в ссылку и на каторжные работы. Перед этим желающие могли принять причастие, однако власти сами выбирали священников, исходя из их благонадежности [2, л. 30, 31, 36]. Всех ссыльных перед отправкой на этап осматривал врач, чтобы выяснить, выдержат ли они длительные переходы [2, л. 22]. Колонны ссыльных сопровождалась от одного уездного города до другого этапными командами жандармов внутренней стражи, после чего колонну передавали команде другого уезда. Этапные команды в основном были немногочисленными и состояли из 13-15 жандармов при одном унтер-офицере и нескольких казаков (чаще всего четырех). Военские начальники уездов постоянно доносили командующему войсками в губернии о передвижении этапа. При таком слабом контроле ссыльные прямо в пути могли встречаться с родственниками и еще находящимися на свободе участниками восстания, которые передавали им прокламации. Случалось, что разрешения поговорить со ссыльными во время движения просили даже у возглавляющего команду унтер-офицера. Такое положение дел вызывало обеспокоенность властей. Однако за разрешение встречи унтер-офицер получил лишь строгое взыскание, причем военное начальство долго выясняло его фамилию. Для того чтобы как-то бороться с этим, было предложено назначать начальниками конвоев специальных офицеров, но для усиления команды людьми у властей не хватало сил [2, л. 79, 87, 92, 94, 108].

Часть участников восстания были приговорены к смертной казни. Если повстанец занимал руководящие должности в органах управления восстания или совершил уголовные преступления, смертная казнь через расстрел заменялась повешением, но поскольку для повешения нужны были палачи, а их не хватало, поэтому М.Н. Муравьев допускал в некоторых случаях замену повешения расстрелом. Эта мера была применена к М. Оскерко, содержащемуся в Могилевском тюремном замке. После вынесения смертного приговора он был переведен в одиночную камеру, ему запретили любые

встречи. Получив шифрованную телеграмму М.Н. Муравьева, разрешающую заменить повешение расстрелом, власти начали готовиться к казни. Руководить доставкой преступника к месту казни был назначен жандармский адъютант. Выделенный для охраны конвой из нескольких взводов пехоты и казаков подчинялся не жандарму, а армейскому офицеру. Место казни было оцеплено тремя ротами пехоты, двумя ротами внутренней стражи, сотней донских казаков и сотней ратников Могилевского казачьего ополчения, для усиления оцепления были привлечены жандармы и артиллеристы. После расстрела полковой лекарь подтвердил факт смерти казненного, что и было зафиксировано в протоколе [6, л. 16-20, 24].

Таким образом, органы охраны правопорядка не применяли жестоких мер по отношению к повстанцам, хотя в массовом сознании уже давно создан миф о «кровавом подавлении национально-освободительного восстания».

1. Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 3256. Оп. 2. Д. 6.
2. Там же. Д. 7.
3. Там же. Д. 12.
4. Там же. Д. 16.
5. Там же. Д. 25.
6. Там же. Д. 29.